

уже не должна была разставаться никогда въ жизни. Но въ ту самую минуту, какъ я увидала его, такого красиваго, такого страстно-влюбленнаго, снова проснулось въ моемъ сердцѣ опасеніе, чтобъ его не испугало мое обезображенное лицо. Долго я поэтому не поднимала своего густого вуаля и совершенно забылась въ порывѣ пламенной любви. Онъ прижималъ меня къ своему сердцу, горячо обнималъ и страстно шепталъ, что я его, его на вѣки. Это были минуты безумнаго счастія, но оно продолжалось недолго...

Она умолкла, ея глаза засверкали какимъ-то страннымъ блескомъ, и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, она продолжала съ иронической улыбкой:

— Въ одно мгновеніе безумное счастье замѣнилось безумнымъ отчаяніемъ. Но теперь мое сердце холодно какъ камень, и я могу все припомнить, что произошло тогда, безъ злобы и сожалѣнія. Когда я впервые приподняла вуаль, то Трухачевскій отскочилъ въ ужасѣ, котораго онъ не могъ скрыть, не смотря на всѣ свои усилия. Его красивое лицо отуманилось, онъ провелъ рукой по своимъ глазамъ и произнесъ глухимъ голосомъ: „бѣдная голубушка. Прости меня, но я такъ по-